

Управленческое проектирование коммуникационной политики органов государственной власти субъектов Российской Федерации в условиях утверждения информационного общества

Штриков С. А.

АО «Синергия Групп», Москва, Российская Федерация; shtrikov_sa@cnrg-group.com

РЕФЕРАТ

Цель статьи — формирование теоретической модели коммуникационной политики органов государственной власти субъектов Российской Федерации в условиях утверждения информационного общества и обоснование критических условий ее реализации. *Методологической основой* работы является проблемный анализ существующих коммуникационных практик органов государственной власти для определения основных интегративных проблем, препятствующих достижению цели эффективной коммуникационной политики в целях развития информационного общества. К таковым относятся: рассмотрение технологического фактора как ключевого элемента и условия формирования информационного общества; существенный акцент на национальной безопасности, понимаемой в ограничительном, изоляционистском смысле; построение государственной коммуникационной политики исходя из схемы унифицированного, однонаправленного процесса коммуникации; коммуникативный отрыв от других стейкхолдеров информационного общества; отождествление коммуникации с информированием. В процессе исследования была выполнена декомпозиция этих проблем и произведена их трансформация в управленческие задачи, а также реализовано проектирование коммуникационного процесса органов государственной власти в России с учетом целей развития информационного общества и выделенных управленческих задач. *Результаты анализа* позволяют обосновать необходимость смещения акцента формирования и развития коммуникационной политики с технологического на социальный, а именно на формирование стейкхолдеров информационного общества, к которым относятся в том числе государственные служащие. Непрерывное обучение для развития релевантных знаний и навыков становится неотъемлемым элементом коммуникационной политики. Также в результате исследования сделан вывод о необходимости заменить ограничительную, изоляционистскую коннотацию государственной безопасности на более широкую и вместе с тем гибкую трактовку безопасности как устойчивого развития. Используя устойчивое развитие как метафору взаимодействия между стейкхолдерами, необходимо сформировать и апробировать четкую модель коммуникационной политики, которая будет учитывать принципы, следующие из теории информационного общества и коммуникационной теории власти.

Ключевые слова: информационное общество, государственная коммуникационная политика, устойчивое развитие, модель коммуникации

Для цитирования: Штриков С. А. Управленческое проектирование коммуникационной политики органов государственной власти субъектов Российской Федерации в условиях утверждения информационного общества // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 57–68.

State Communication Policy Design under the Conditions of the Information Society Development in the Russian Federation

Sergei A. Shtrikov

Synergy Group JSC, Moscow, Russian Federation; shtrikov_sa@cnrg-group.com

ABSTRACT

The purpose of this article is to develop a theoretical model of the communication policy of public authorities of the Russian Federation under the conditions of the information society development and justification of the critical conditions of its implementation. The *methodological background* of the study is a problem analysis of existing communication practices of public authorities to identify the key integrative problems that hinder the achievement of the goal of effective communication policy for the development of the information society. These include: consideration of the technological factor as a key element and the conditions for the formation of the information society; a significant emphasis on national security, understood in a restrictive, isolationist sense; the construction of state communication policy on the basis of a unified, unidirectional communication process; the communication gap from other stakeholders of the information society; identification of communication with information. These problems were decomposed and transformed into governance challenges, and the communication process of public authorities in Russia was designed taking into account the goals of the information society development and selected governance challenges. *The results of the analysis* justify the need to shift the emphasis of the formation and development of communication policy from the technological to the social one, namely, the formation of stakeholders of the information society, which includes public servants. Continuous training for the development of relevant knowledge and skills becomes an integral element of communication policy. The study also concluded that it is necessary to replace the restrictive, isolationist connotation of state security with a broader and more flexible interpretation of security as sustainable development. Using sustainable development as a metaphor (message) for stakeholder engagement, a clear communication policy model should be developed that takes into account the principles that follow from the theory of the information society and the communication theory of power.

Keywords: information society, state communication policy; sustainable development, communication model

For citing: Shtrikov S.A. State Communication Policy Design under the Conditions of the Information Society Development in the Russian Federation // Administrative consulting. 2019. No. 11. P. 57–68.

Введение

Информационное общество в современном мире является не только социально-экономической реальностью, но и неотъемлемым критерием стратегического развития как страны в целом, так и ее отдельных регионов. Сегодня информация и знания становятся важным производственным ресурсом и движущей силой социально-экономического, технологического и культурного развития, в котором в качестве основной ценности выдвигает совокупность знаний и информации. Средства массовой информации выступают в качестве необходимого компонента жизни каждого человека, а медиатекст, определяющий специфику контента СМИ, уже давно стал популярнейшей формой коммуникации. Система массовой коммуникации отражает современное общество и в то же время оказывает серьезное воздействие на общество, его состояние и развитие. В современных медиатекстах происходит реконструкция картины мира и определение приоритетов, что наделяет их ролью эффективных проводников социально-культурных ценностей [6]. Своевременная, объективная и достоверная информация имеет огромное значение в процессе принятия решения на индивидуальном и организационном уровне, а также на уровне государственного и муниципального управления. В то же время полученная информация может быть использована не только в прогрессивных целях, но и для достижения политического, экономического, духовного, военного и иного превосходства. Все вышеперечисленные условности должна отражать государственная коммуникационная политика, значимость которой критически возрастает в условиях информационного общества [7].

В России основным стратегическим документом, определяющим приоритеты и формирующим смысл государственной коммуникационной политики, является Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., принятая указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203¹. Ее особенностью, обусловленной спецификой ее создания в сложный «санкционный» период, является то, что она не ставит цели достижения конкретных количественных показателей, а задает общий вектор развития информационного общества в Российской Федерации. Это означает, что имплементация данной стратегии при формировании коммуникационной политики предполагает, прежде всего, ее операционализацию, постоянное соотнесение с ключевыми тенденциями локального, национального и глобального развития — и на этой основе акционистскую корректировку органами государственной власти.

Цель данной статьи — управленческое проектирование коммуникационной политики органов государственной власти субъектов Российской Федерации в условиях утверждения информационного общества. Эффективный переход к информационному обществу требует выделения значительных финансовых ресурсов для финансирования все более сложных информационных технологий и экспертных знаний, необходимых для их реализации. Однако отсутствие финансовых ресурсов — это не главное препятствие для органов государственной власти, желающих развивать коммуникационную политику в целях прогресса информационного общества и экономики знаний. Основная проблема носит более серьезный характер и состоит в диалектическом противоречии технологического и социального развития [8].

Другими словами, технологическая сторона развития информационного общества начинает приобретать смысл исключительно в комбинации с развитием ее социальной стороны. Безусловно, активное внедрение широкополосных цифровых коммуникационных сетей или закупка оборудования для развития виртуального образования являются одним из ключевых факторов, обуславливающих работу экономических агентов (бизнеса, университетов, органов государственной власти) над преобразованием их деятельности в современном обществе. Однако само по себе внедрение технологий не обеспечивает продуктивности, инноваций или более высокого уровня человеческого развития. Информационно-коммуникационные технологии не являются «волшебной таблеткой», способной развить информационное общество и экономику знаний. Это всего лишь инструмент, который необходимо использовать по определенным правилам. Эти правила и формулирует коммуникационная политика органов государственной власти.

Теоретические основы

Коммуникационная политика органов государственной власти формируется не в вакууме, а в реальных условиях становления и развития информационного общества. Именно поэтому для понимания оснований управленческого проектирования коммуникационной политики необходимо проанализировать две теории, которые наиболее успешно объясняют взаимосвязь и взаимозависимость информационного общества и политической коммуникации [18; 20; 21] — а именно теории информационного общества и коммуникативной теории власти.

Информационное общество и общество знаний, пожалуй, являются самыми распространенными парадигмами социальных изменений в современном мире. Огромный объяснительный потенциал этих концепций объясняется их центральной ори-

¹ О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363 (дата обращения: 21.06.2019).

ентацией на реально происходящие сегодня процессы технологических трансформаций. Во всех развитых странах использование информационно-коммуникационных технологий получает все большее распространение как на национальном, так и на региональном и местном уровнях. Их развитие стимулируется, как правило, идеей развития электронного правительства, электронной демократии, информационной открытости и доступности знаний. Теоретические рамки осмысления информационного общества менялись на протяжении нескольких десятилетий, рефлексивно суммируя ключевые параметры сложившегося на сегодняшний день экономического, технологического и социального уклада.

Д. Белл среди главных требований информационного общества выделял доступ к информации, умение с ней работать, а также защиту информации и информационную безопасность. Профессионализм работников, с точки зрения Белла, является основанием их статусного развития. На этой основе Белл предсказывал рост спроса на квалифицированные кадры с высшим образованием. Важным атрибутом информационного общества Белл называл экспертный совет, в компетенции которого входили задание направления развития той или иной организации и разработка рекомендаций на базе авторитетных знаний [13]. М. Порат (Porat) среди атрибутов информационного общества выделял информационный капитал, к которому относил в основном материальную атрибутику (компьютеры, калькуляторы, терминалы, копии), и информационных работников — исследователей, инженеров, проектировщиков, менеджеров, юристов — т. е. всех тех, кому платят за создание знаний, разработку идей и обработку информации [23]. Многие отечественные исследователи информационного общества выделяют вовлеченность людей в процессы управления, их нематериальную заинтересованность, а также потенцию к риску [2; 3; 7].

В контексте данных условий вопрос об эффективности распространения информации и знания имеет важнейшее значение для государственного управления, поскольку одна из основных задач, которые преследует современное государство в условиях информационного общества или стремления к нему, заключается в построении систем коммуникации, обеспечивающих диалог властных структур и общества с целью придания легитимности власти и стабильности общественного развития [26]. Согласно ряду важнейших международных конвенций, положенных в основу стратегического развития многих стран (США, Франции, Финляндии, Японии и др.), повсеместная цифровизация интеграции может и должна развиваться только в условиях грамотной и продуманной коммуникационной политики органов государственной власти [16; 24]. Признание формирования общества знаний и информационной экономики как общественного интереса, т. е. интереса, разделяемого различными социальными группами, предполагает наличие определенных характеристик коммуникационной системы, а именно, что регулятивное вмешательство государства, надзор за коммуникацией и ее целенаправленное формирование в той или иной форме возможны и желательны [24, р. 198]. Общественный интерес, как правило, понимается как главный ориентир для принятия решений политиками, а также как главный критерий, по которому оценивается политика. Поэтому коммуникационная политика и ее формирование в обществе знаний представляет собой стратегический выбор государства в ответ на нестабильность международной среды, вызовы исторического развития и возможные технологические, экологические и социальные угрозы.

Центральной особенностью современного информационного общества является трансформация сферы коммуникаций, представляющей собой публичное пространство когнитивного характера, т. е. пространство, в котором сознание людей получает информацию и формирует свои взгляды путем обработки сигналов от общества в целом [15, р. 7]. Трансформация — основной постулат коммуникационной теории

власти, которая, в отличие от других теорий политической и социальной коммуникации, исходит из принятия информационного общества не как цели, а как данности — т. е. объективной реальности, в которой мы живем уже сегодня. Сквозь призму коммуникационного воздействия, современное общество представляет собой социальную структуру, основанную на сетях, управляемых информационно-коммуникационными технологиями, основанных на микроэлектронике и цифровых компьютерных сетях, которые генерируют, обрабатывают и распространяют информацию на основе знаний, накопленных различными индивидами и социальными группами. Другими словами, в то время как межличностное общение — это личные отношения, формируемые субъектами взаимодействия, системы медиакоммуникаций задают отношения между институтами и организациями общества и индивидами как коллективным получателем информации, даже если в конечном итоге информация обрабатывается каждым человеком в соответствии с его личными характеристиками. Поэтому структура и динамика такой коммуникации важны для формирования сознания и мнения как источника принятия политических решений.

Несмотря на то, что электронное правительство имеет уже довольно долгую и успешную историю развития, его стандартные технологии (сайты органов власти, электронные приемные) не обладают достаточной мобильностью и респонсивностью. Поэтому распространение так называемой самонаправленной массовой коммуникации [15, р. 13]: социальных сетей, блогов, влогов (видеоблогов), микроблогов, потоковой передачи данных и других интерактивных форм компьютерной связи — получает столь активное распространение в том числе и в работе органов государственного управления. Благодаря своим техническим особенностям социальные сети и блоги становятся удобными коммуникативными инструментами, в которых может участвовать множество коммуникационных агентов одновременно. Использование этих новых инструментов коммуникационной политики позволяет осуществить коммуникации в реальном времени без существенных затрат на отправку, доставку и получение сообщения [5].

Самонаправленная массовая коммуникация является массовой коммуникацией, потому что она распространяется через интернет и потенциально может достигать всей планеты. В то же время она является самонаправленной, поскольку зачастую инициируется отдельными лицами или группами лиц самостоятельно, в обход конгломератов медийного бизнеса и менее крупных агентов медийной системы. Самонаправленная массовая коммуникация создает новую систему глобальных, горизонтальных сетей связи, которая впервые в истории позволяет людям интенсивно и массово общаться друг с другом так, что их сообщения не проходят по каналам, созданным институтами государства и общества для социализированной и регулируемой коммуникации.

Как указывает Кастельс, доминирование медиaprостранства над сознанием людей осуществляется через фундаментальный механизм: наличие/отсутствие месседжа (message) в медиaprостранстве. Все или все, что отсутствует в этом пространстве, не может попасть в общественное сознание, поэтому оно становится единым целым. Этот «двоичный» (либо да, либо нет) характер современной массовой коммуникации имеет критическое значение для развития коммуникативной политики государства. Кроме того, социальные сети, в отличие от текущего, все еще во многом доминирующего, но обреченного на смену основного инструмента массовой коммуникации — телевидения, — продуцируют метафоры, а не образы [15, р. 16].

Методология

Методологической основой данной работы является проблемный анализ. Основываясь на проведенном теоретическом анализе, мы предполагаем, что разработка государственной коммуникационной политики должна основываться на наиболее

актуальных тенденциях развития информационного общества и четких методологических рамках, позволяющих исключить существующие в России системные несоответствия этим тенденциям. Этапы исследования включают:

- 1) анализ существующих коммуникационных практик органов государственной власти с целью определения основных интегративных проблем, препятствующих достижению цели эффективной коммуникационной политики в целях развития информационного общества;
- 2) декомпозицию этих проблем и трансформацию их в управленческие задачи;
- 3) проектирование коммуникационного процесса органов государственной власти в России с учетом целей развития информационного общества и выделенных управленческих задач.

Результаты

Проведенный анализ позволил выявить следующие интегративные проблемы, препятствующие достижению цели эффективной коммуникационной политики в целях развития информационного общества в России.

Во-первых, технологический фактор рассматривается как ключевой элемент и условие формирования информационного общества. Данное утверждение является тупиковым с точки зрения коммуникационной теории власти. Как утверждает М. Кастельс, технология в современном обществе является не просто движущей силой или основным элементом его развития — она и есть само общество [15, р. 3], поскольку именно информационные технологии сегодня находятся в непосредственном взаимодействии с потребностями, ценностями и интересами людей. Технология является необходимым условием появления новой формы социальной организации — организации сетевого типа. Данная форма социальной организации основана на распространении сетей во всех сферах деятельности индивидов и социальных групп. Цифровые сетевые технологии позволяют развиваться социальным сетям, которые существовали и в предыдущие исторические периоды, однако в очень ограниченном масштабе. Они могут быть гибкими и адаптивными благодаря своей способности децентрализовать работу в рамках сети автономных компонентов, сохраняя при этом способность координировать всю эту децентрализованную деятельность с общей целью принятия решений. Цифровые коммуникационные сети являются такой же инфраструктурной основой современного сетевого общества, какой выступали электрические и энергетические сети для общества индустриального.

Во-вторых, существенный акцент на национальной безопасности, понимаемой в ограничительном, изоляционистском смысле, является преградой развития информационного общества. Теоретики коммуникационной теории власти предостерегают от непрофессиональных футурологических заблуждений о том, что информацию можно ограничивать, что ее излишнее увлечение виртуальной реальностью может привести к социальной изоляции, замена бумажных книг электронными приведет к безграмотности, что Большой Брат следит за всем и каждым, или что постоянно ускоряющийся благодаря информационным волнам темп нашей жизни приведет к серьезным катастрофам различного характера [15; 10].

В-третьих, государственная коммуникационная политика строится исходя из схемы унифицированного, однонаправленного процесса коммуникации, основным каналом трансляции в котором выступает телевидение. Современные же коммуникации преимущественно развиваются в интерактивной гипертекстовой цифровой среде [11; 12]. Это означает, прежде всего, развитие многонаправленного характера коммуникации. Унифицированный, однонаправленный процесс коммуникации постепенно отмирает. Технологическая гибкость новых медиа «позволяет намного

лучше интегрировать все источники коммуникации в один и тот же гипертекст. Таким образом, цифровая коммуникация становится менее ценностно-ориентированной, но впитывает в свою логику все большую долю социальной коммуникации» [15, р. 12–13]. По мере того как вертикальные коммуникации все активнее заменяются сетевыми, происходит развитие самонаправленной массовой коммуникации, которая имеет очень слабый регулятивный потенциал.

В-четвертых, коммуникативные практики региональных органов власти в России в основном развиваются в отрыве от других стейкхолдеров информационного общества. В то же время, согласно современным тенденциям, эффективная массовая коммуникация в основном организована вокруг конгломератов медийного бизнеса, крупных промышленных предприятий, негосударственных организаций. Невозможно не учитывать интересы этих конгломератов при формировании и реализации государственной коммуникационной политики. Они могут выступать в роли экспертов и основных реципиентов государственных задач по формированию коммуникационной среды [1].

В-пятых, российская коммуникационная политика основывается на не слишком удачной метафоре, предложенной в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.¹ Таковой является «приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий», поскольку «российское общество заинтересовано в получении информации, соответствующей высокому интеллектуальному и культурному уровню развития граждан России»². Выбор этой метафоры приводит к постоянно актуализируемому дуализму преемственного и инновационного развития (несмотря на то, что информационные и коммуникационные технологии должны активно развиваться, параллельно декларируется важность сохранения «традиционных и привычных для граждан (отличных от цифровых) форм получения товаров и услуг»³). Эта метафора транслируется и в ходе текущих коммуникационных кампаний органов государственной власти.

Все эти проблемы приводят к тому, что для российской коммуникационной политики характерно отождествление информационной и коммуникационной политики. Распространенная практика министерств и ведомств — формирование информационно-коммуникационных стратегий, связанных с коррекцией поведения населения, причем коррекцией через информирование. В качестве примера можно привести информационно-коммуникационные стратегии по формированию здорового образа жизни, борьбе с потреблением алкоголя и табака, предупреждению и борьбе с немедицинским потреблением наркотических средств и психотропных веществ, которые появились во многих регионах Российской Федерации после выхода соответствующего приказа Минздрава России от 30.09.2013 № 677.

Другим примером отождествления информационной и коммуникационной политики является формулировка задач коммуникационной политики государственными организациями и ведомствами. Несмотря на то, что таковые можно обнаружить на сайтах органов государственной власти достаточно редко, те из них, что все же опубликованы, прямым образом отождествляют коммуникацию и информирование. Ярким примером здесь является концепция коммуникаци-

¹ О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363 (дата обращения: 21.06.2019).

² Там же.

³ Там же.

онной политики Росстата, цель которой — «информирование целевых аудиторий о направлениях деятельности Росстата, в том числе подготовке, организации, проведении и подведении итогов федеральных статистических обследований и наблюдений»¹.

Не менее важным и ярким примером является непосредственное региональное «тиражирование» самой Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. Региональные тексты, в свою очередь, распространяются ниже и копируются на муниципальном уровне. В итоге в России массовое распространение Стратегии превращается в формально-техническую процедуру, предполагающую замену географических наименований при неизменном содержимом. Как результат, мы имеем сотни калькированных документов, примером которых является постановление «О Стратегии развития информационного общества в муниципальном образовании „Дуровский сельсовет“ Рыльского района Курской области на 2017–2030 годы» (принято Администрацией Дуровского сельсовета Рыльского района Курской области 19 сентября 2017 г. № 64)².

Обсуждение и выводы

Очень важным постулатом коммуникационной теории власти является то, что информационное общество не является нашей целью. Это не будущее, которого мы должны достичь в качестве некоторого этапа человеческого прогресса, сознательно внедряя новую технологическую парадигму. Это наше настоящее, в разной степени проникающее в разные сферы человеческой жизни, экономики, государства и культуры. Если мы принимаем данный постулат, то ключевой вопрос коммуникационной политики заключается в том, чтобы найти способы и инструменты максимизации шансов на реализацию государственных проектов, выражающих социальные потребности, интересы и ценности общества и государства в новых структурных условиях.

Значение коммуникационной политики органов государственной власти в условиях информационного общества сложно переоценить. Ее развитие сегодня становится все более значимой и все более трудной благодаря особенностям современного общества. В основе процесса современных социальных изменений лежит формирование нового поколения стейкхолдеров информационного общества — т. е. людей, с одной стороны, заинтересованных в его развитии, а с другой стороны, умеющих развиваться самостоятельно, адаптироваться к меняющимся культурным моделям на протяжении жизненного цикла, развиваясь вместе с окружающим обществом. Данное утверждение обоснует решающую роль трансформации системы образования для развития информационного общества. Также оно объясняет, почему государственный сектор в настоящее время является решающим действующим лицом для развития и формирования сетевого информационного общества. Социальные трансформации требуют от государственных гражданских служащих формирования новых навыков и компетенций, готовности использовать новые технологии в своей работе на постоянной и непрерывной основе, а также готовности учиться и приобретать все новые знания и навыки, чаще всего в режиме постоянного, а не скачкообразного, профессионального роста.

Трансформация коммуникационной политики органов государственной власти представляет собой организационно-политический процесс, продиктованный из-

¹ Коммуникационная политика в Росстате [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru (дата обращения: 17.07.2019).

² Сайт Дуровского сельсовета [Электронный ресурс]. <http://durovo46.ru> (дата обращения: 17.07.2019).

менениями характера массовых коммуникаций в информационном обществе. Выделенные проблемы позволяют сформулировать следующие задачи такой трансформации.

Во-первых, необходимо сместить акцент формирования и развития коммуникационной политики с технологического на социальный. Это означает прежде всего формирование стейкхолдеров информационного общества [9; 18; 24], которые заинтересованы в его развитии и готовы получать новые знания и навыки, для этого необходимые. К таким стейкхолдерам относятся в том числе государственные служащие, призванные сыграть ведущую роль в коммуникационно-политическом развитии общества знаний. Непрерывное обучение в этом случае становится важным сопровождающим процессом государственного и муниципального управления. К числу актуальных навыков государственных служащих уже сегодня относятся владение компьютерными технологиями, умение выступать публично и писать тексты для широкой публики, владение иностранными языками, умение взаимодействовать со средствами массовой информации (media relations) [20].

Во-вторых, необходимо заменить ограничительную, изоляционистскую коннотацию государственной безопасности на более широкую и вместе с тем гибкую трактовку безопасности как устойчивого развития. Понятие «устойчивое развитие» и «безопасное развитие» не являются антагонистами. Напротив, устойчивое развитие имеет коннотацию безопасного развития, однако измеряет эту безопасность не закрытыми, а открытыми категориями. Современные исследования подчеркивают, что идея реализовать обеспечение безопасности через развитие является наиболее эффективным модусом решения проблемы безопасности в информационном обществе. В этом случае раздвоение деятельности исчезает, основная созидательная деятельность и обеспечение безопасности совпадают, поскольку модель устойчивого развития оказывается одновременно и моделью безопасного развития [4; 14; 27]. Подчеркнем, что именно в такой коннотации понятие «безопасность» рассматривается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683). В этом отношении метафора приоритета устойчивого развития является более удачной, нежели текущая метафора приоритета традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Устойчивое развитие является объединяющим месседжем в любом медиапространстве, поскольку затрагивает интересы многих поколений и различных социальных групп [10; 19].

В-третьих, необходимо сформировать четкую модель коммуникационной политики, которая будет учитывать принципы, следующие из теории информационного общества и коммуникационной теории власти (рис.).

Основными требованиями к практической реализации данной модели являются следующие:

- она должна подчеркивать отличия коммуникации от информирования;
- иметь потенциал региональной трансформации в связи с теми или иными социально-экономическими или культурно-политическими особенностями региона;
- предполагать тесное сотрудничество со средствами массовой информации, с агентами самонаправленной массовой коммуникации (блоги и др.), с крупными промышленными предприятиями и бизнес-ассоциациями, с организациями гражданского общества;
- исходить из метафоры устойчивого развития;
- предполагать мультиформатные коммуникации, в том числе активно развиваться в социальных сетях, и иметь потенциал гибкости в плане выбора формата сообщения в зависимости от аудитории-получателя.

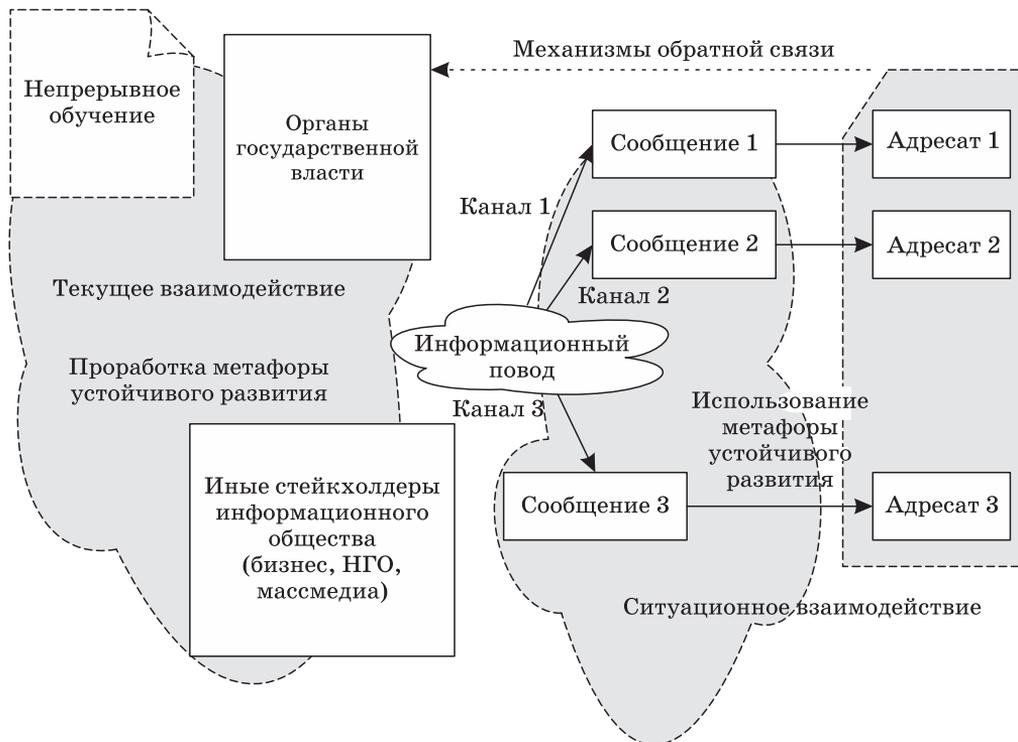

Рис. Модель коммуникационной политики органов государственной власти в информационном обществе

Fig. Communication policy model of public authorities in the information society

Литература

1. Балашов А. И., Рогова Е. М., Рудская И. А. Формирование региональной инновационной системы в Санкт-Петербурге // Экономическое возрождение России. 2015. № 1. С. 96–114.
2. Ершова Г. Г. Антропосистема: коммуникативные модели и регулируемая интеграция // Исторический журнал: науч. исслед. 2012. № 4. С. 11–25.
3. Матвеев А. С. Коммуникационная природа социального управления // Философия и культура. 2013. № 5. С. 643–649.
4. Урсул А. Д. Проблемы безопасности и устойчивого развития: эволюционный подход и междисциплинарные перспективы // Вопросы безопасности. 2014. № 5. С. 1–62.
5. Филатова О. Г., Шабанова Е. С. Публичные коммуникации органов государственной власти РФ в пространстве Веб 2.0: анализ блогов и социальных сетей // Интернет и современное общество. 2011. С. 220–224.
6. Харьковская Е. В., Бикбаев А. И. Популяризация спорта посредством технологий массовых коммуникаций // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. Т. 2. № 3. С. 41–44.
7. Чернышев А. И. Необходимость применения современных электронных коммуникаций органами государственной власти в России // Социодинамика. 2014. № 8. С. 132–138.
8. Шамахов В. А., Балашов А. И. Новая общественно-политическая нормальность и уроки модернизации постсоветской системы государственного управления // Управленческое консультирование. 2016. № 12. С. 6–15.
9. Arras S., Braun C. Stakeholders wanted! Why and how European Union agencies involve non-state stakeholders. *Journal of European Public Policy*. 2018. 25 (9). P. 1257–1275.

10. Azmat F. Sustainable Development in Developing Countries: The Role of Social Entrepreneurs. *International Journal of Public Administration*. 2013. 36:5. P. 293–304.
11. Barbero M. J. Digital Convergence in Cultural Communication. *Popular Communication*. 2009. 7 (3). 147–157.
12. Barns S., Cosgrave E., Acuto M., Mcneill D. Digital Infrastructures and Urban Governance. *Urban Policy and Research*. 2017. 35 (1). P. 20–31.
13. Bell D. The Coming of the Post-Industrial Society. *The Educational Forum*. 1976. 40 (4). P. 574–579.
14. Brady G. L., Geets P. C. F. Sustainable development: the challenge of implementation. *International Journal of Sustainable Development & World Ecology*. 1994. 1 (3). P. 189–197.
15. Castells M., Cardoso G. *The Network Society: From Knowledge to Policy*. Washington DC : Center for Transatlantic Relations, 2006.
16. Crozier M. Recursive Governance: Contemporary Political Communication and Public Policy, *Political Communication*. 2007. 24 (1). P. 1–18.
17. Dick A. L. Who needs the information society? New circuits of power and resistance. *Communication*. 2000. 26 (1). P. 3–14.
18. Dolničar V., Prevodnik K., Vehovar V. Measuring the Dynamics of Information Societies: Empowering Stakeholders Amid the Digital Divide. *The Information Society*. 2014. 30 (3). P. 212–228.
19. Filho W. L., Tripathi S. K., Guerra A., Giné-Garriga R. *at all*. Using the sustainable development goals towards a better understanding of sustainability challenges. *International Journal of Sustainable Development & World Ecology*. 2019. 26 (2). P. 179–190.
20. Kruyen P. M., Van Genugten M. Opening up the black box of civil servants' competencies. *Public Management Review*. 2019.
21. Menou M. M., Taylor R. D. A "Grand Challenge": Measuring Information Societies. *The Information Society*. 2006. 22 (5). P. 261–267.
22. Napoli P. M. *Foundations of Communications Policy: Principles and Process in the Regulation of Electronic Media*. 2001. Cresskill, NJ : Hampton Press Inc.
23. Porat M. U. Global Implications of An Information Society. *Journal of Communication*. 1978. 28 (1). P. 70–80.
24. Raboy M., Landry N., Shtern J. *Digital Solidarities, Communication Policy and Multi-Stakeholder Global Governance*. 2010. New York : Peter Lang.
25. Servaes J. *Communication policies, good governance and development journalism*. *Communication*. 2009. 35 (1). P. 50–80.
26. Sivarajah U., Weerakkody V., Waller P. *at all*. The role of e-participation and open data in evidence-based policy decision making in local government. *Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce*. 2016. 26 (1–2). P. 64–79.
27. Throsby D. Culturally sustainable development: theoretical concept or practical policy instrument? *International Journal of Cultural Policy*. 2017. 23 (2). P. 133–147.

Об авторе:

Штриков Сергей Анатольевич, Генеральный директор АО «Синергия Групп» (Москва, Российская Федерация); shtrikov_sa@cnrg-group.com

References

1. Balashov A. I., Rogova E. M., Rudskaya I. A. Formation of regional innovation system in St. Petersburg // *Economic revival of Russia*. 2015. No. 1. P. 96–114. (In rus)
2. Ershov G. G. Anthroposystem: communicative models and adjustable integration // *Historical Journal: scientific research*. 2012. No. 4. P. 11–25. (In rus)
3. Matveev A. S. Communication Nature of Social Governance // *Philosophy and Culture*. 2013. No. 5. P. 643–649. (In rus)
4. Ursul A. D. Security and Sustainable Development Challenges Evolutionary Approach and Interdisciplinary Perspectives // *Security Issues*. 2014. No. 5. P. 1–62. (In rus)
5. Filatova O. G., Shabanova E. S. Public communications of state authorities of the Russian Federation in the space Web 2.0: analysis of blogs and social networks // *Internet and modern society*. 2011. P. 220–224. (In rus)

6. Kharkovskaya E. V., Bikbaev A. I. Popularization of sports through technologies of mass communications // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2017. V. 2. No. 3. P. 41–44. (In rus)
7. Chernyshev A. I. Need of application modern electronic communications by bodies of state authorities in Russia // *the Sociodynamics*. 2014. No. 8. P. 132–138. (In rus)
8. Shamakhov V. A., Balashov A. I. New social and political normality and lessons of modernization of the post-Soviet system of public administration // *Administrative consulting*. 2016. No. 12. P. 6–15. (In rus)
9. Arras S., Braun C. Stakeholders wanted! Why and how European Union agencies involve non-state stakeholders. *Journal of European Public Policy*. 2018. 25 (9). P. 1257–1275.
10. Azmat F. Sustainable Development in Developing Countries: The Role of Social Entrepreneurs. *International Journal of Public Administration*. 2013. 36:5. P. 293–304.
11. Barbero M. J. Digital Convergence in Cultural Communication. *Popular Communication*. 2009. 7 (3). 147–157.
12. Barns S., Cosgrave E., Acuto M., Mcneill D. Digital Infrastructures and Urban Governance. *Urban Policy and Research*. 2017. 35 (1). P. 20–31.
13. Bell D. The Coming of the Post-Industrial Society. *The Educational Forum*. 1976. 40 (4). P. 574–579.
14. Brady G. L., Geets P. C. F. Sustainable development: the challenge of implementation. *International Journal of Sustainable Development & World Ecology*. 1994. 1 (3). P. 189–197.
15. Castells M., Cardoso G. *The Network Society: From Knowledge to Policy*. Washington DC : Center for Transatlantic Relations, 2006.
16. Crozier M. Recursive Governance: Contemporary Political Communication and Public Policy, *Political Communication*. 2007. 24 (1). P. 1–18.
17. Dick A. L. Who needs the information society? New circuits of power and resistance. *Communication*. 2000. 26 (1). P. 3–14.
18. Dolničar V., Prevodnik K., Vehovar V. Measuring the Dynamics of Information Societies: Empowering Stakeholders Amid the Digital Divide. *The Information Society*. 2014. 30 (3). P. 212–228.
19. Filho W. L., Tripathi S. K., Guerra A., Giné-Garriga R. *at all*. Using the sustainable development goals towards a better understanding of sustainability challenges. *International Journal of Sustainable Development & World Ecology*. 2019. 26 (2). P. 179–190.
20. Kruyen P. M., Van Genugten M. Opening up the black box of civil servants' competencies. *Public Management Review*. 2019.
21. Menou M. M., Taylor R. D. A "Grand Challenge": Measuring Information Societies. *The Information Society*. 2006. 22 (5). P. 261–267.
22. Napoli P. M. *Foundations of Communications Policy: Principles and Process in the Regulation of Elec-tronic Media*. 2001. Cresskill, NJ : Hampton Press Inc.
23. Porat M. U. Global Implications of An Information Society. *Journal of Communication*. 1978. 28 (1). P. 70–80.
24. Raboy M., Landry N., Shtern J. *Digital Solidarities, Communication Policy and Multi-Stakeholder Global Governance*. 2010. New York : Peter Lang.
25. Servaes J. Communication policies, good governance and development journalism. *Communication*. 2009. 35 (1). P. 50–80.
26. Sivarajah U., Weerakkody V., Waller P. *at all*. The role of e-participation and open data in evidence-based policy decision making in local government. *Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce*. 2016. 26 (1–2). P. 64–79.
27. Throsby D. Culturally sustainable development: theoretical concept or practical policy instrument? *International Journal of Cultural Policy*. 2017. 23 (2). P. 133–147.

About the author:

Sergei A. Shtrikov, General Director of Synergy Group JSC (Moscow, Russian Federation); shtrikov_sa@cnrg-group.com